

ИСТОЧНИК КАК ИСТОЧНИК ЗАБЛУЖДЕНИЯ: «ЗАПИСКИ» И.И. ГОРБАЧЕВСКОГО, КОММЕНТАРИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Информация об авторе: Сергеева Валентина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема соотношения документального и субъективного в тех случаях, когда перед исследователем оказывается описание события или конкретного человека, составленное по умолчанию пристрастными лицами или однобоко освещающее предмет описания. Исследовательское «визионерство» Н.Я. Эйдельмана, сочетание исторического подхода и инсайдерского взгляда на некоторые не до конца проясненные моменты восстания Черниговского полка (29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г.), с опорой на полухудожественные (воспоминания современников, не бывших притом очевидцами случившегося) и документальные тексты (следственные материалы) — это авторский метод, который позволяет психологически убедительно реконструировать возможный ход событий и внутреннюю мотивацию участников как бы с точки зрения одного из них. Сюжет переводится из чисто исторической в литературную, даже мифологическую плоскость, что вполне логично, учитывая возникновение в отечественной культуре XX века «мифа о декабристах» в целом; художественные произведения и рассказы отсутствующих ложатся рядом с документом и сами становятся документами, атрибутами «науки о человеке». При наличии массы субъективного и непроясненного (как в случае с Любарским эпизодом), творческая интерпретация текста становится несомненным вариантом его прочтения, а исторический комментарий позволяет содержанию сохранять нравственную актуальность и формировать читательскую позицию по отношению к ключевым героям. В свою очередь, мы, с опорой те же самые материалы, создаем параллельную реконструкцию событий, комментируя не только Горбачевского, чьи «Записки» послужили одним из основных источников для Эйдельмана, но и самого Эйдельмана, создавшего документально-литературный мир «Апостола Сергея».

Ключевые слова: комментарий, следственные дела, мемуары, достоверность, декабристы.

A SOURCE AS THE CAUSE OF CONFUSION: COMMENTARY AND INTERPRETATION ON I.I. GORBACHEVSKY'S NOTES

Information about the author: Valentina S. Sergeeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru

Abstract: This article examines the problem of correlation between documentary and personal when the researcher faces the description of an event or a certain person made by some biased people or dealing with the question single-mindedly. N.Y. Eidelman's research "visionariness", combining an historical approach with the insider view of some unclear moments of the Chernigov Regiment revolt (29 Oct 1825 — 3 Jan 1826) backed by both half-fictional (memoirs of those not having been witnesses to what happened) and documentary (investigation materials) texts, is a method that allows to reconstruct with psychological credibility the possible course of events and inner motives of those taking part in the Revolt as if from a participant's point of view. The plot is transferred from an historical to a literary, even mythological area, that is quite logical considering the development of the "Decembrist myth" in the Russian culture of the 20th century; fiction and tales of those staying out of the scene are being posed next to documents and become themselves documents and "human science" attributes. Given that there are a lot of personal and unresolved matters (as it is in the case of the scene in Lubar), the creative interpretation becomes an appropriate variant of its reception, and the historical commentary allows the content to keep ethic actuality and to shape the readers' opinion on the main characters. In our turn, we, by means of the same materials, are working at the parallel event reconstruction, commenting not only Gorbachevsky, whose *Notes* were one of the main Eidelman's sources, but also Eidelman himself, who created the fictional and non-fictional world of *Apostle Sergei*.

Keywords: commentary, investigation materials, memoirs, credibility, Decembrists.

Еще не было окончательно доказано,
Сахалин — остров или нет? Там кончались
границы человеческого знания и начина-
лось безграничное воображение...

Н.Я. Эйдельман. «Апостол Сергей»

При чтении художественно-документальной литературы нередко возникают два вопроса: в каких случаях художественный компонент оказывается доказательнее документального и допускает ли литература свидетельства «слово отсутствующего свидетеля»? Если текст написан человеком, который не был, буквально, очевидцем тому-то и тому-то, и если исследователь доверяет ему в целом, достаточно ли

этого, чтобы доверять и в частности, в конкретных сценах, где как раз автор-то свидетелем и не был? Максимум, что он мог сделать в таких случаях, это поговорить с подлинными очевидцами (если они были доступны и расположены делиться информацией), либо поступить как создатель чисто художественного текста — достроить, домыслить самостоятельно, имея дело с крупными данными и известными. Если мы не доверяли бы в таком случае, скажем, человеку, дающему показания — доверяем ли мы писателю? И почему?

Достоин ли доверия исследователь и читателя Карамзин — автор «Истории государства Российского»? Карамзин-историк отнюдь не отвергает художественное вдохновение в сфере документального: «История...» по форме — научный труд, но по сути — художественное произведение (и, мы помним, современники ее читали и воспринимали как таковое)¹. Элемент художественности, очень сильный в «Истории...», сочетается с достоверными историческими фактами. Пушкин считал «Историю» высочайшим образцом словесности, лучшей прозой в литературе. Белинский говорил о «беллетристическом» таланте Карамзина («живой искусный литературный рассказ», «поэма, писанная прозой» и т.д.). В «Истории...» нет вымышленных фабул, автор не сочиняет сюжет, но извлекает его из реальных исторических событий и ситуаций — иными словами, невыдуманные герои действуют в заданных историей обстоятельствах. «История, — писал Карамзин, — не терпит вымыслов». Однако сам он, отрицая «вымысел» и призывая к поиску «действий и характеров», все-таки не обошелся без художественных вкраплений, и критика сразу обратила на это внимание. «Историограф, — писал о Карамзине польский историк Иоахим Лелевель, — старается отгадать чувствования и внутренние побуждения исторических лиц для объяснения происшествий» [Северный архив, 1823, с. 287]. То есть, допустимая область применения творческой фантазии, по Карамзину, — не сюжеты и события, а психология персонажей. Историк не только восстанавливает закономерности исторического процесса, но и устанавливает

¹ Карамзин не был здесь первым — проблема историографии, в том числе в аспекте формирования нужного мнения у читателей, стояла живо и в XVIII в. (труды Татищева, Щербатова и т.д.). Можно сказать, что у истоков метода стоял Федор Эмин со своей «Российской историей», построенной как связный беллетризованный рассказ, в котором герои разговаривали языком восемнадцатого столетия. Карамзин, что характерно, иронизировал по поводу научных качеств этого исторического труда, в частности обвинял автора в ссылках на несуществующие документы, и называл «Российскую историю» самым неудачным «романом» Федора Эмина. См.: [Карамзин, 1851, с. 594–596].

психологические связи между личностными особенностями изображаемых персонажей и судьбой страны.

Под вымыслом Карамзин, таким образом, понимает то, что «нарочно» придумано, а не то, что восстановлено (и в реальности могло быть именно так). *Безапелляционное, с глубоко прописанной психологической мотивацией, обвинение Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия — это гениальный художественный концепт.* (И как таковой его впоследствии подхватывает Пушкин — и своего «Бориса Годунова» «с благоговением и благодарностью» посвящает Карамзину².) На вопрос «убийца ли Борис?» Карамзин отвечает с уверенностью: да, убийца, поскольку это следует из его природы — именно такой человек, стремясь к власти, должен был убить; такой человек должен был именно убить. Сейчас мы бы, возможно, сказали, что автор «Истории...» создал определенный *психологический типаж*.

Есть разные режимы чтения и отношения к литературе; в определенном режиме текст может не прочитываться и не распознаваться как «документ» (или, напротив, как «художественное произведение»). И «документ», и «литература» — это, во многом, схема, сознательно удерживаемый регистр, который позволяет читателю распознать текст как свидетельство или, наоборот, счесть его плодом художественного вымысла. Восстановить спорную ситуацию во всей ее полноте, иногда вопреки признанному источнику, в ряде случаев помогает лишь подробный историко-литературный комментарий — не только к документам, но и к словам очевидца, в какой бы форме они ни были выражены, и к внутренним «режимам» текста.

Конечно, Карамзин пишет не о событиях, бывших на его памяти; а то, о чем рассказывает декабрист И. Горбачевский в своих «Записках», напротив, извлекается отнюдь не из летописей и хроник³. Но, как

² «Карамзин очень доволен твоим трагическим занятием и хотел отыскать для тебя Железный Колпак, он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Бориса дикую смесь набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе. Это противоположность драматическая. Я советовал бы тебе прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину, который мог бы быть тебе полезен *в историческом отношении* (Курсив мой. — В.С.)...» (письмо Вяземского Пушкину от 6 сентября 1825 года). Цит. по: [Пушкин, 1926, т. I, с. 283]. В «Борисе Годунове», кроме того, Пушкин значительно изменил и облик царевича Дмитрия, сравнительно с официальной историей.

³ И.И. Горбачевский (1800–1869) — член «Общества соединённых славян», участник восстания на Юге (29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г.) Приговоренный к пожизненной каторге, в 1827 году прибыл в Читинский острог, в 1830 переведён в Петровский Завод. С 1839 года жил на поселении. В 1855 году, после смерти Николая I, когда многие оставшиеся в жи-

известно, даже возможность общения с живыми свидетелями не упрощает процесс. Если расставлять информацию по степени достоверности, то, казалось бы, свидетельство непосредственного очевидца должно стоять на верху шкалы, но недаром существует излюбленное криминалистами выражение «врет как очевидец». Существует эксперимент, подтверждающий так называемый феномен ложной памяти. Участникам опыта рассказали в подробностях сюжет, якобы прошедший несколько месяцев назад в телевизионных новостях. Хотя на самом деле такой сюжет в новостях не показывали, 20 процентов испытуемых «вспомнили» его и даже дополнили рассказ недостающими, на их взгляд, деталями⁴.

Есть один исторический эпизод, который нашел свое отражение в «Записках» Ивана Горбачевского, посвященных, в том числе, восстанию Черниговского полка в начале января 1826 года. Описываемая Горбачевским ситуация такова: 27 декабря 1825 года (т.е. уже после событий в Петербурге) в местечко Любар, где находится в это время командир Ахтырского гусарского полка Артамон Муравьев, один из активных участников тайного общества, приезжают Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Вслед за ними прибывает Михаил Бестужев-Рюмин, с известиями о том, что бумаги братьев взяты и по пятам идет погоня. Дальнейшее у Горбачевского изложено достаточно подробно:

— Мы умрем в самую пору, — возразил Матвей [предлагая покончить жизнь самоубийством. — В.С.], — подумай, брат, что мы четверо главные члены, и что своею смертью можем скрыть от поисков правительства менее известных.

— Это отчасти правда, — отвечал С. Муравьев, — но однако же еще не мы одни главные члены Общества. Я решился на другое. Артамон Захарович может переменить вид дела.

вых декабристы, воспользовавшись амнистией, уехали в европейскую часть России, остался жить в Петровском Заводе. «Записки» Горбачевского впервые были опубликованы в 1882 году в «Русском архиве» П.И. Бартенева как «Записки неизвестного из Общества соединённых славян». Они считаются одним из основных источников документальных сведений о восстании декабристов.

⁴ В известном советском научно-популярном фильме «Я и другие» (1971), состоящем из ряда социально-психологических экспериментов, сходный феномен продемонстрирован в эпизоде «Нападение». Сидящим в аудитории студентам лектор объясняет, что показаниям свидетелей не следует доверять, так как людям свойственно ошибаться; внезапно врываются несколько человек, которые хватают и уносят лектора. Это, разумеется, инсценировка; вернувшийся невредимым преподаватель просит студентов описать случившееся.

И обратясь к Артамону Муравьеву, он предложил ему немедленно собрать Ахтырский полк, идти на Траянов, увлечь за собою Александрийский гусарский полк (так, как прежде и обещал Артамон Муравьев), явиться нечаянно в Житомир и арестовать всю корпусную квартиру. Не ожидая ответа от Артамона, С. Муравьев вслед за сим написал две записки: одну — к Горбачевскому, другую — к Спиридову и Тютчеву, в коих уведомлял их о начале восстания и приглашал к содействию, назначив Житомир сборным пунктом. Отдав сии записки Артамону Муравьеву, он просил его убедительно отправить их тотчас с нарочными. Артамон, взяв от него сии записки, после некоторого молчания начал говорить о невозможности восстания и, между прочими отговорками, сказал:

— Я недавно принял полк и потому еще не знаю хорошо ни офицеров, ни солдат, мой полк не приготовлен еще к такому важному предприятию: пуститься на оное — значит заранее приготовить неудачу.

Ротмистр Семичев, который пришел к Артамону Муравьеву за несколько минут <кажется так> до приезда Бестужева, при таком ответе своего командира о расположении полка не мог воздержаться от возражения.

— Я думаю совершенно противное, г. полковник, — сказал он, — в этом случае нужна решительность и сильная воля; если вы не хотите сами говорить с офицерами и солдатами, то соберите полк в штаб-квартиру и остальное нам предоставьте.

Замечание Семичева пробудило надежду в сердце Муравьева, его просьба приняла вид требования, представляя будущность, ожидающую членов Общества; от требования он перешел к упрекам, но Артамон Муравьев не хотел и слышать о возмущении.

— Я сейчас еду, — сказал он с жаром, — в С.-Петербург к государю, расскажу ему все подробно об Обществе, представлю, с какой целью оно было составлено, что намеревалось сделать и чего желало. Я уверен, — продолжал он, — что государь, узнав наши добрые и патриотические намерения, оставит нас всех при своих местах, и верно найдутся люди, окружающие его, которые примут нашу сторону.

При сих словах он сжег на свечке записки, писанные Сергеем Муравьевым к славянам.

С. Муравьев потерял терпение.

— Я жестоко обманулся в тебе, — сказал он с величайшею досадою, — поступки твои относительно нашего Общества заслуживают всевозможные упреки. <...> После сего я прекращаю с тобою знакомство, дружбу, и с сей минуты все мои сношения с тобою прерваны.

После минутного молчания С. Муравьев еще раз попытался уговорить Артамона Муравьева, написал новую записку в 8-ю бригаду и, отдавая ее Артамену, сказал с выражением горести:

— Доставь эту записку в 8-ю бригаду; это последняя моя к тебе просьба; одна услуга, которую я смею от тебя ожидать.

Артамон Муравьев взял записку и, казалось, тронутый просьбами своего родственника и сочлена, соглашался доставить оную славянам, но лишь только С. Муравьев уехал, он ее уничтожил, как и прежние. Славяне после сетовали на С. Муравьева и именно за то, что он из Любара не дал им никакого известия, и впоследствии только узнали причину непонятного его молчания⁵.

И. Горбачевский свидетелем описываемых событий не был.

Тем не менее, «Записки» Горбачевского — несомненно, источник сведений о восстании, и источник ценный, в том числе благодаря обилию подробностей (но в тех случаях, когда автор не был очевидцем, именно подробности-то ему и приходится додумывать, по своей воле заставляя участников размышлять и говорить, как это делают авторы исторических романов). Однако как же быть, если в источник, по той или иной причине, вкралась неточность, вошедшая затем в исследовательский канон как нечто неоспоримое, хоть из-за безусловного доверия к автору, хоть из-за невозможности верификации?

Оговоримся здесь, что дополнительные трудности при интерпретации «Записок» до некоторой степени создает сама эпоха — есть прочная традиция беллетризованной (и «политизированной», и «нравоучительной») истории; есть традиция построения вторичного мира на основе, во-первых, личного читательского опыта и, во-вторых, общего культурного кода (например, античного). Наконец, в это же время активно бытует (и теоретически осмыслиется) жанр литературного анекдота — «краткой повести», по определению Н.И. Греча, с претензией на подлинность события и достоверность рассказа⁶. Следует помнить, что целый клубок человеческих отношений способен вырасти и развиваться из убедительного авторского «вброса». В этом можно убедиться, взяв хотя бы «Записки о моей жизни» вышеупомянутого Н.И. Греча, ярко обрисовавшего культурный фон первой поло-

⁵ Здесь и далее цит. по: [Горбачевский, 1963].

⁶ Не случайно новелла Ф. Булгарина «Военная шутка» (с подзаголовком «Невымышленный анекдот») была опубликована в «Полярной звезде» за 1823 г. вместе с повестями А. Бестужева «Вечер на бивуаке» и «Роман и Ольга» и историческими думами К. Рылеева.

вины XIX века, с неизбежными литературно-салонными сплетнями⁷. Возможный комментарий к Горбачевскому (который, в свою очередь, спустя много лет разъясняет и комментирует события конца 1825 года) неизбежно становится и комментарием к литературным контекстам. И это блистательно проиллюстрировал Эйдельман, о чем ниже.

Итак, как же вспоминают об упомянутых событиях непосредственные участники?

На следствии Артамон описывает события 27 декабря так:

Разговор был между нами относительно 14 декабря в Петербурге, оне мне сообщали известия, слышанные ими; вот что занимало нас до приезда Бестужева Рюмина и нисколько не было тогда в помышлении Муравьева Апостола сделанное им возмущение в Черниговском полку, и не полагаю чтоб Швейковский и Тизенгаузен разделяли бы предприятие его. <...> Решался Муравьев остаться у меня и если по следам его за им приедут, отдаться в руки, убеждая брата своего Матвея и Бестужева ехать, на что те не соглашались, и я имянно сказал, что если бы я искал себя спасти, то должен бы был их арестовать, но этого не сделаю, а я же предложил им всем вместе ехать; придумать холоднокровно дорогою, что предпринять на будущее время, и стараться изведать, точно ли бумаги его взяты, без приказания его взять... Бестужев обратился ко мне и говорит: ты верно не отстанешь с полком, говоря то, что ты говорил, и предлагая, что ты предлагал. Тут-то я почувствовал и не в первой раз следствия преступных слов и вместе увидел, что говорил то, чего не мог выполнить; но... дабы не покраснеть пред ими, открыв себя, я новым преступлением сделался виновным, обещая содействие [Дело А.З. Муравьева, 1954, с. 110].

То есть: Артамон Муравьев на предложение поднять полк отвечает, по его собственным словам, *согласием*, хотя в дальнейшем и оговари-

⁷ Заметим, что Греч в «Записках» оставляет своего рода *этический* комментарий к воспоминаемой им эпохе: «Буду щадить своих ближних сколько возможно, но пощада эта будет ограниченная, — предупреждает он на первой же странице. — Слабости людей, невольные их прегрешения, свойственные всякому человеку, — имеют право на умолчание их; но пороки гласные и вредные, подлость, коварство, злоба, лицемерие, неблагодарность, мстительность должны быть изболжены и тем самым наказаны.

Мне возражат: об умерших должно говорить только... Только правду! — прерву я вашу речь. Выставляя и карая порок, чту и возвышаю добродетель. Не один нынешний или будущий мерзавец (а на таковых всегда и везде большой урожай), читая описание душевных качеств и дел подобного себе во время оно, призадумается и, может быть, сделает одной подлостью менее. Довольно будет и этой пользы от моих записок». Цит. по: [Греч, 2000, с. 6].

вается старательно, что он это сделал только «из тщеславия» и ради того, чтобы его оставили в покое.

Братья Муравьевы-Апостолы в своих показаниях описывают эту ситуацию достаточно сдержанно:

Менее четверти часа по прибытии нашем, приехал Бестужев и известил нас, что ночью с 24 на 25-е Декабря. Гебель сопровождаемый жандармским офицером пришел к моему брату, который взял все бумаги и книги как мог найти и что поехал в Житомир. Мой брат решил отправиться тотчас, чтобы отклонить от нашей двоюродной сестрицы [В.А. Муравьевой, жены А.З. Муравьева. — В.С.], которая была нездорова, нечаянность нашего арестования у ней (Матвей Муравьев-Апостол) [Дело М.И. Муравьева-Апостола, 1950, с. 203].

В Любаре, по приезде моем, вскоре прибыл Бестужев с известием, что приехали меня арестовать и бумаги уже взяли. Тогда решились мы прежде бежать, но после отправились в полк с намерением оной собрать начатое действовать. Через час же после прибытия нашего к Ар. Муравьеву приехал туда же Бестужев с известием, что приезжали в Васильков забрать нас. Вследствии сего и чтобы избавить А.Муравьева от всякой ответственности, мы решились сейчас ехать от него, но без всякого положительного намерения начинать действие, что и сам А. Муравьев должен припомнить. <...> Что же касается до содействия полков, то в рассуждении Ахтырского мог я иметь хоть какую надежду, по Ар. Муравьеву, в рассуждении же Александрийского я никакой иметь не мог... (Сергей Муравьев-Апостол) [Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927, с. 285].

Как видно, ни о каком предложении поднять полк (и, следовательно, об отказе и ссоре) в показаниях Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов в принципе не идет речи, а Сергей напрямую даже отрицает какое-либо «положительное намерение», видимо, не желая усугублять и без того тяжелую ситуацию. Быть может, описывая случившееся 27 декабря у него дома, А.З. Муравьев зачем-то солгал следствию, объявив, что в ответ на предложение вывести полк (кем бы оно ни было сделано) он ответил согласием, тогда как в реальности он отказал кузену? Но это ложное показание мало того что было ни для чего не нужным, оно еще и утяжелило бы его собственную вину, и без того значительную. Гораздо понятнее, когда подследственный лжет, чтобы облегчить свою участь или чтобы снять часть вины с близкого человека; но кузены Муравьевы уже не в тех отношениях, чтобы отводить удар друг от друга...

Из показаний Михаила Бестужева-Рюмина явствует, что, во-первых, предложение было, во-вторых, Артамон Муравьев согласился содействовать (пускай с оговоркой «если мы выступим» — но эта оговорка, кажется, не особенно смущает участников разговора: в самом деле, трудно вести полк, не зная куда и зачем), и, в-третьих, подмогу из Любара ждали вплоть до разгрома восстания (3-го января), не зная, что Артамон Муравьев был арестован в Бердичеве в ночь на первое.

В ночь с 25 на 26 декабря прибыли жандармы, чтобы взять Муравьева [Сергея. — В.С.], но он был в Любаре. Я поехал к нему. Мы с ним говорили о том, что делать. Поднять на местах расквартированных неподготовленные войска было делом трудным. Хотя Ар. Муравьев обещал присоединиться к нам, если мы выступим, но расстояние, которое необходимо было покрыть для достижения этого соединения, было велико. Полки, которые встречались на нашем пути, не были нашими. Все эти обстоятельства нас обескуражили, и мы решили скрыться (Михаил Бестужев-Рюмин) [Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950, с. 47].

Итак: Сергей утверждает, что прибывшие решились уехать из Любара без всякого намерения начинать действия. Матвей еще более лаконичен: «брат решил отправиться тотчас» (предлог — чтобы не быть захваченными в Любаре). Наконец, Бестужев упоминает об обещании Артамона Муравьева присоединиться и даже как будто оправдывает его: *«но расстояние... было слишком велико»*. Вероятно, в ответ на предложение вывести полк (было ли оно сделано Сергеем Муравьевым-Апостолом или Бестужевым) А.З. Муравьев действительно ответил согласием, пускай с некоторыми оговорками, главная из которых — *«если мы выступим»*. Полного разрыва, как это описано у Горбачевского, скорее всего, в тот день не произошло. Однако именно версия «Записок» во многом предопределила отношение к А.З. Муравьеву, наряду с другим текстом документально-художественного характера — «Белой Церковью» Ф.Ф. Вадковского. У обоих авторов Артамон Муравьев практически напрямую назван одним из виновников неудачи восстания на Юге.

Если вдуматься, во всей этой ситуации есть один по-человечески важный нюанс, который всерьез меняет ракурс «картинки». «Не обещал — и не прислал помощь, хотя ждали и надеялись, что одумается» (как это описывает Горбачевский); «обещал — но не прислал» (как это, видимо, было для Сергея Муравьева, не знавшего, напомним, об аресте двоюродного брата)⁸.

⁸ Неизвестно, узнал ли в ходе следствия Сергей Муравьев-Апостол, что Артамон Муравьев и не смог бы прийти к нему на помощь.

Известный писатель и историк Н.Я. Эйдельман в «Апостоле Сергее» комментирует рассказ Горбачевского: «Как восстановил Иван Горбачевский последовавшую затем сцену? Ведь из четырех ее участников двое вскоре погибнут, одного надолго изолируют от друзей, и только Артамона можно было в Сибири расспросить, но факты таковы, что Артамон вряд ли захотел бы вспоминать... И тем не менее, оставляя на совести автора некоторые подробности, историки уверены в большой правдивости рассказа»⁹. В этих словах чувствуется презумпция виновности: «факты таковы», «вряд ли захотел бы вспоминать». Это — степень уверенности, которая возможна только в том случае, если Горбачевский прав безусловно. Но то, что автор называет здесь фактами, — скорее, постфакты (что Сергей Муравьев третьего января под Ковалевкой в итоге остался без поддержки кавалеристов, на которую рассчитывал). Логика комментатора идет от обратного: не «достоверен ли Горбачевский», а «виноват ли Артамон Муравьев в Любаре», и если мы принимаем, что виноват, значит, остается только «восстановить», как именно. А мы, вслед за автором, принимаем¹⁰.

«Апостол Сергей» — комментарий или определенный опыт интерпретации? Во всяком случае, это, несомненно, удавшийся опыт создания «поэтической истории», которая встраивает реальные исторические события в поэтический контекст других событий, включая эпос и Библию. Эйдельман дает пояснительные замечания к тексту Горбачевского, приводит свои рассуждения, толкования, исходя из психологически убедительного достраивания ситуации — в буквальном смысле слова, это и *есть* комментарий (com-memini, со-воспоминание)¹¹. Психологическая достоверность происходящего, которая выводит на этическую проблематику, пробуждает определенные чувства и в читателе, вынуждая его подключаться к процессу со-воспоминания, комментаторского со-творчества¹².

⁹ Здесь и далее цитаты из «Апостола Сергея» приведены по изданию: [Эйдельман, 1980].

¹⁰ Следует заметить, что в этой истории есть очень характерное слепое пятно: записка Сергея Муравьева-Апостола к артиллеристам, которую, согласно показаниям Артамона Муравьева и «Запискам» Горбачевского, уничтожили, **подшита в следственном деле Горбачевского**. Тем не менее, для историков она продолжала оставаться «уничтоженной». За информацию об этой записке я благодарю современных исследователей Р. Добкач и Н. Соколову.

¹¹ Хотя вектор движения здесь определить непросто. От текста Горбачевского к реальному историческому эпизоду? От реального исторического эпизода к Горбачевскому?

¹² «Нечто авторское, изобретенное, вымышленное» — таковы значения слова *commentum* в классической латыни.

Это — комментарий к событиям, о которых мы почти ничего не знаем на самом деле, но можем «дистраивать», если располагаем архивными материалами и знанием исторической ситуации, а также способны сочетать нашу собственную логику с внутренней логикой конкретных исторических лиц, в той мере, в какой мы умеем ее реконструировать, пережить, прочувствовать. Изложение Декабрьских событий всегда представляет определенную историческую — и личную — концепцию. Трудно спорить с тем, что декабристский миф служил и служит средством направления общественного мнения, а история используется для того, чтобы формировать современность. Вероятно, так это было и для Эйдельмана, и для тех, кто в 70–80-е гг. XIX в., когда это стало возможно и поощряемо, публиковал в «Русском архиве» многочисленные воспоминания и «записки» декабристов. Мы имеем дело, по сути, с отражением отражения: реально существовавшие люди превращаются сначала в объекты следственных дел, а потом в героев литературно-мемуарных произведений, собственных и чужих. Особняком стоит вопрос, можно ли опираться на следственные дела как на источник¹³. Этот миф вообще почти не существует в чистом виде, декабристов как таковых *мы не знаем*, во всяком случае не знаем *многих*. Воспоминания, следственные дела, даже письма (особенно если есть подозрение, что к публикации они были отредактированы авторами либо душеприказчиками) — все это, так или иначе, призма. Повезло исследователю, если от человека, судьбой которого он занимается, остался хотя бы личный архив; а если архива нет или он сохранился не целиком, так что в уцелевших письмах полностью отсутствуют упоминания о некоторых важных событиях? Если опираться приходится только на чужие слова, чужие пересказы?

Книги Эйдельмана трудно отнести к какому-то определенному жанру — их называют и научно-художественными, и научно-популярными, и исторической беллетристикой. «Их жанр более точному определению, чем “историческая проза Эйдельмана”, наверное, вообще не поддается»¹⁴. Споры о специфике его сочинений продолжаются до сих пор, но, вероятно, справедливым будет сказать, что Эйдельман — достойный продолжатель художественно-документального метода Карамзина. В том смысле, что в отсутствие

¹³ Сошлюсь здесь на статью Е.В. Ивановой «Следственные дела как биографический источник». Статья входит в коллективный труд «Биография в истории культуры» (М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 472–493).

¹⁴ Эти слова Н.Я. Эйдельмана приведены по изд.: [Порудоминский, 1990].

«чистого» (нарочитого) вымысла как организующего принципа повествования он достигает художественного эффекта, перерабатывая исторические реалии и при необходимости реконструируя их на основании психологической убедительности, литературной традиции и — быть может, справедливо будет сказать — личного визионерства¹⁵. Только так — живя в героях и объединяя их авторской установкой — удастся соединить личное и творческое, литературное и научное.

«Это, как известно, является законом литературным, но что же делать, если жизнь, история представляют невыдуманные художественные детали!»¹⁶

Слова Ивана Горбачевского, независимо от того, как их воспринимать, — это исторический факт, нуждающийся в объяснении. По сути, историк Эйдельман провозглашает историческую достоверность *воображения*, возможность домыслить так, что восстановленное окажется не просто логически убедительным, но подлинным и правдивым. Это (без малейшей иронии) очень эффективный метод — восстановление ситуации глазами тех, кто в ней участвовал, буквально воскрешение чужой памяти. Нужно иметь в виду одно: восстанавливаемая точка зрения не может быть универсальной, всеобщей, она всегда кому-то принадлежит. И в случае с изложенным в «Апостоле Сергее» — *это точка зрения Сергея Муравьева-Апостола, который считает Артамона Муравьева предателем*. Эйдельман не называет рассказ Горбачевского «предположением» или «версией» и не отвечает на собственный вопрос — «Как восстановил Иван Горбачевский последовавшую затем сцену?» — оставляя его риторическим. Ответ на него парадоксальный: не «восстановил таким-то способом», а «да, восстановил». «Историки уверены в большой правдивости рассказа», и нам остается сделать вывод: Горбачевский рассказал именно то, что было; во всяком случае, если он и ошибся, то в *незначительных* деталях.

Вообще Горбачевский — «свидетель», с которым историкам уже приходилось входить в столкновение, если не в прямой конфликт. Н.Я. Эйдельман первым среди советских историков признал истинным утверждение Горбачевского о существовании запрета для членов Южного общества поддерживать знакомство с Пушкиным.

¹⁵ Однако здесь же они и расходятся; Карамзин пытается осмыслить историю и себя как продукт этой истории, Эйдельман, по сути, пишет автобиографическую прозу, визионерски отождествляя себя с одним из героев.

¹⁶ Цит. по: [Порудоминский, 2014].

При этом Эйдельман объяснял решение Верховной Думы клеветническими измышлениями о Пушкине, дошедшими до М.П. Бестужева-Рюмина и С.И. Муравьева-Апостола через Александра Николаевича Раевского, одесского знакомого поэта. В качестве аргумента, указывающего на то, что Александр Раевский клеветал на поэта, Эйдельман, вслед за Т.Г. Цявловской, приводит *стихотворение* Пушкина «Коварность» (1824), где, по мнению ученого, строки «Но если сам презренной клеветы // Ты про него невидимым был эхом» указывают на Раевского [Цявловская, 1974, с. 46; Эйдельман, 1979, с. 143–168]. Общепринятой эта гипотеза не стала, хотя Ю.М. Лотман также считал, что причиной «вопиющей несправедливости» Горбачевского в отношении Пушкина послужили «слухи из третьих рук». Впрочем, поведение Пушкина в Одессе (а до того в Петербурге и в Кишиневе), как известно, имело настолько эпатажный характер, что для разрыва отношений с поэтом могло и не потребоваться ничьих дополнительных «измышлений».

В отсутствие прямых объяснений — психологически убедительные слухи, совпадения, случайные обстоятельства, наконец, стихотворение в качестве аргумента. Эйдельман совершает перевод исторического свидетельства в художественную плоскость, с требованием той же степени доказательности, которая требуется от художественных произведений. Она не *меньше*, она *иная*: для достоверности художественному произведению нужна определенная внутренняя логика, развитие сюжетных линий, убедительный баланс персонажей и т.д.

При внимательном чтении документов, в первую очередь показаний участников разговора 27 декабря в Любаре, появляется почти детективная интрига — «свидетель, которого не заметили». Это — ротмистр Семичев, о котором не упоминают в своих показаниях ни братья Муравьевы-Апостолы, ни Михаил Бестужев, ни Артамон Муравьев... и не упоминает Эйдельман¹⁷ — хотя имя Семичева называет Горбачевский, чьи «Записки» служат для Эйдельмана одним из основных источников. Но если для Горбачевского логично назвать Семичева (по причинам, о которых будет сказано чуть ниже) — притом он оговаривается: «кажется, так» — то для Сергея Муравьева-Апостола, чью точку зрения последовательно восстанавливает Эйдельман, присутствие Семичева не имеет уже ровно никакого значения...

¹⁷ Точнее, утверждает, что никакого Семичева и не было: «ведь из **четырёх**... участников двое вскоре погибнут, одного надолго изолируют от друзей». Четверо участников — это братья Муравьевы-Апостолы, Артамон Муравьев и Михаил Бестужев-Рюмин.

Кроме Горбачевского, о Семичеве упоминают Вадковский и неизвестный комментатор к Вадковскому (предположительно — Матвей Муравьев-Апостол, имевший возможность после амнистии 1855 г. ознакомиться с мемуарами бывших соратников). По собственному признанию Семичева во время следствия, он вышел из комнаты до того, как начался серьезный разговор, и ничего «крамольного» не слышал, кроме обрывка беседы о том, что «бунта не умели сделать». Однако из «Записок» Горбачевского и комментариев к мемуарам Вадковского («Белая Церковь») картина складывается чуть ли не противоположная — что Семичев активно убеждал Артамона Муравьева действовать, что его слова «пробудили надежду» в душе Сергея Муравьева-Апостола и т.д. Конечно, можно сказать, что никакого противоречия на самом деле нет: на следствии человек (что логично) преуменьшил свое активное участие, а потом, в более спокойной обстановке, рассказал, как всё случилось в действительности. Но проблема в том, что, во-первых, никакого «потом» с участием Семичева не было: ни на каторгу, ни в ссылку он не попал и с бывшими «однодельцами» более не контактировал. А во-вторых, из четырех *непосредственных* участников разговора о присутствии пятого, хоть в каком-нибудь формате, на следствии не вспоминает *никто вообще*. Семичева как будто нет в этот момент в комнате; нет и никакого упоминания о подаваемых им репликах (если они звучали) — довольно бурных, если верить Горбачевскому и Вадковскому, и напрямую адресованных главным действующим лицам. Сам факт его присутствия всплывает только в собственных показаниях Семичева — и в позднейших воспоминаниях, написанных по сведениям «из третьих рук»¹⁸.

Мы, возможно, не восстановим со стопроцентной достоверностью, как развивались события на самом деле. Теоретически, после разгрома восставшего Черниговского полка третьего января 1826 г. те, кто еще не был арестован, имели шанс встретиться, например в Житомире, и поговорить о недавних событиях (в Житомире до ареста совершенно точно был Горбачевский и еще некоторые декабристы-«южане»). Таким образом, чисто теоретически Семичев мог пересечься «на нейтральной территории» с Горбачевским, Андреевичем (двумя днями позже Сергея Муравьева-Апостола полу-

¹⁸ Так, «Белая Церковь» Ф.Ф. Вадковского составлена на основании рассказов трех участников событий (штабс-капитана В.Н. Соловьева, подпоручика А.А. Быстрицкого и прапорщика А. Е. Мозалевского), из которых также ни один не присутствовал при разговоре 27 декабря в Любаре. См. подробнее: [Оксман, 2008, с. 215–228].

чившим от командира Ахтырского полка прямой отказ содействовать) и другими «южанами». Если дело и вправду обстояло так, то, вероятно, из обрывочного рассказа незаметного очевидца, о котором забыли все присутствующие, и некоторых дополнительных сведений, не связанных с событиями 27-го декабря напрямую, но вполне укладывающихся в общую картину, выросла наиболее психологически убедительная версия случившегося. Парадокс: если бы Горбачевский в своих «Записках» откровенно «восстанавливал» ситуацию при помощи творческого воображения, у него могла бы получиться более вероятная правда, чем при использовании совокупного свидетельства нескольких абсолютно реальных, но по-своему пристрастных лиц (Семичева, ушедшего с половины разговора, или раздосадованного отказом Андреевича).

Иными словами, совмещение живых людей в реальных обстоятельствах, возможно, и создало для автора «Записок» ситуацию, почти противоположную той, что реконструируется по показаниям непосредственных участников. *Артамон Муравьев не прислал помощь (это факт), он ответил отказом тому, кто обратился к нему после приезда Сергея Муравьева-Апостола (это тоже факт), значит, нужно восстановить, что предшествовало двум этим фактам, которые сами по себе имеют в глазах повествователя знак «минус».* И именно эта ситуация легла в текст Горбачевского как чисто художественный эпизод, поскольку по своей художественной достоверности она соответствовала внутренней логике развития сюжета и литературному канону (если есть герой, должен быть и антагонист). Горбачевский сам задает литературный модус восприятия своих «Записок», строя их по законам художественного произведения и дописывая пространные, на несколько страниц, диалоги героев, как романист — Эйдельман «ловит» этот творческий посыл и усиливает.

Историк положился на внутреннюю достоверность того, что было реконструировано — не очевидцем, но по словам очевидца; литературная и психологическая доказательность оказалась сильнее — и, по сути, важнее — исторической. Стихи и «свидетельства из третьих рук» ложатся бок о бок с документом и сами становятся документами, атрибутами «науки о человеке», пользуясь собственным определением Н.Я. Эйдельмана. Проницательность историка сродни проницательности поэта. «И как ни опасно вымышлять, домышлять, переводить стихи на мемуарный язык, но, думаем, с должной осторожностью, — можно, нужно» [Эйдельман, 1987]. Комментарий самого Эйдельмана к сцене в Любаре — литературный, из эпоса (и очень неоднозначный, сам по себе требующий комментария).

Нечто, имеющее прямое отношение к спору братьев в Любаре, происходит в великой древнеиндийской поэме «Махабхарата». Между одним и другим — тысячи лет и тысячи верст, громадная культурная и историческая пропасть. Тем интереснее...

Накануне великой битвы знаменитый богатырь Арджуна засомневался в ее целесообразности, хотя много лет дело шло именно к этому междоусобному столкновению. Целых 18 глав Арджуна делится своими сомнениями с богом Кришной.

Герой ждет, что бог, так высоко ценящий мудрость и добро, согласится с ним и поможет отвратить кровопролитие. Однако Кришна опровергает Арджуну.

Кришна: Итак, на дело направь усилие, о плодах не заботься...

Арджуна: Если ты ставишь мудрость выше действия, то почему к ужасному делу меня побуждаешь?

Кришна: Неначинающий дел человек бездействия не достигает. И не таким отречением он совершенства достигнет... Свой долг, хотя бы несовершенный, лучше хорошо исполненного, но чужого. Лучше смерть в своей дхарме, чужая дхарма опасна...

Дхарма — здесь путь, судьба [Эйдельман, 1980].

Но Арджуна в конце концов принимает бой, а братьев 27 декабря в Любаре, в буквальном смысле, не двое, а трое. Кто здесь Арджуна — сомневающийся Матвей Муравьев-Апостол или Артамон Муравьев? Но это и неважно; важно то, что ссора и соперничество братьев — архетипический сюжет, равно как и вынужденное (роком, судьбой и т.д.) столкновение с кровными родичами, которое можно принять или не принять, непоправимо изменив тем самым множество судеб. Кроме мифологического, Эйдельман задает еще один мощный литературный контекст прочтения целого — библейский — используя возможности, заложенные Горбачевским (и Матвеем Муравьевым-Апостолом — в «Восстании Черниговского полка»¹⁹). По сути, это откровенно выражено в заглавии книги — «Апостол Сергей».

Кажется, будто ожил тот язык — и снова в крестовый поход на басурман зовет новый Апостол, глаголящий во имя господне. Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин приготовили цитаты из Ветхого и Нового

¹⁹ Эти воспоминания М.И. Муравьев-Апостол продиктовал, после того как в «Русском Архиве» (1871 г., № 1) были опубликованы документы, посвященные восстанию Черниговского полка. В том же году воспоминания М.И. Муравьева-Апостола были напечатаны в «Русском Архиве» (1871 г., № 6, с. 229–238).

завета, которыми можно обосновать революцию, и дух древней проповеди захватывает их самих. Давно известно, что по многих великих восстаниях и походах, имевших вполне рациональные, понятные исторические причины, все же последним толчком к взрыву была не логика, а чувство, порой — мистика, даже шаманство, заставлявшие забывать доводы против, да и доводы за... И вот уж движутся тысячи крестоносцев за Петром-Пустынником, десятки тысяч немцев реформируют веру, не углубляясь в тонкости захватывающей проповеди Лютера. Показывает «царские знаки» на груди и увлекает казаков сладостным обманом Емельян Пугачев.

Неважно кто — пророк или разбойник, Петр-Пустынник, Лютер или Пугачев. Главное — способность поднять, увлечь и повести за собой в едином мистическом порыве.

Барон Соловьев в последний день 1825 года видит сцену из древней Руси или древнего Рима: три брата [Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и девятнадцатилетний Ипполит, покончивший с собой после разгрома восстания. — В.С.], словно братья Горации, храм, молебен, свобода...

Указание на древнюю Русь или древний Рим здесь, по сути, авторская условность, минимально необходимый фон для того, чтобы произошел переход в художественный регистр и, собственно, состоялось читательское узнавание. В какой конкретно исторической реальности происходит описанная сцена — древнеримской, древнерусской, библейской или «последнего дня 1825 года» — неважно ни барону Соловьеву, ни читателям; гораздо важнее совпадение читательского опыта. Трое братьев — в первую очередь, маркер литературной (или, точнее сказать, нарративной, поскольку и до-литературной тоже) реальности. Во всяком случае, так обстоит дело с братьями Горациями, которые, в отличие от неопределенных героев древней Руси, названы здесь напрямую. Барон Соловьев, вероятно, видит трех братьев варяжской легенды — Рюрика, Синеуса и Трувора — в изложении Карамзина²⁰ или сцену из трагедии Корнеля «Гораций». На русском языке «Гораций» прошел впервые в 1817 г. и, по воспоминаниям современников, имел замечательный успех.

²⁰ «Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться». Цит. по: [Карамзин, 1988, т. I, с. 69].

Что именно видит читатель, предоставляется решать ему самому, на основании собственного читательского опыта и способности к воображению.

Древняя и страшная ситуация: герой, его пылкий и верный друг, робкий, хотя и искренний сторонник, предатель. Христос, Иоанн, Петр. Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев, Матвей.

22. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!

23. Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.

24. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною,

25. ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее...

(Матф. 16:22–25)

Горбачевский:

Но сие действие было непродолжительно: его брат Матвей много вредил ему. Не имея ни твердости в характере, ни желания жертвовать всем для достижения цели, этот человек, со своею детскою боязнью, своими опасениями, смущал С. Муравьева и отнимал у него твердость духа. После каждого разговора с братом С. Муравьев впадал в глубокую задумчивость и даже терялся совершенно. Офицеры, заметя сие, старались не оставлять Матвея наедине с братом и даже хотели просить С. Муравьева, чтобы он удалил его от полка.

Матвей Муравьев-Апостол (и эти строки в «Апостоле Сергее» цитирует Эйдельман):

Надежда, что восстание на юге, отвлекая внимание правительства от товарищей-северян, облегчит тяжесть грозившей им кары, как бы оправдывала в его глазах отчаянность его предприятия; наконец и то соображение, что, вследствие доносов Майбороды и Шервуда, нам не будет пощады, что казематы те же безмолвные могилы; все это, взятое вместе, посеяло в брате Сергее Ивановиче убеждение, что от предприятия, по-видимому безрассудного, нельзя было отказаться и что настало время искупительной жертвы [Декабрист М.И. Муравьев-Апостол, 1922].

И, наконец, Эйдельман, уже напрямую:

Сергей Муравьев не мог, вернее не хотел, подкрепить чудом свое Апостольство.

Художественная логика требует убедительного завершения. Если есть Иоанн и Петр, должен быть Иуда.

Эйдельман:

Узнав об этом, офицеры Черниговского полка решили (или сделали вид, что решили), будто приезжавший [в ночь на 3-е января, накануне разгрома восставших под дер. Ковалевка. — В.С.] офицер был командир Ахтырского полка Артамон Муравьев, и радовались нечаянной помощи от человека, на которого перестали рассчитывать. Позже решили, однако, что это была вражеская хитрость и что гусарам нужно было только узнать расположение и дух черниговских солдат, так как еще до рассвета все они скрылись.

Это — почти дословное, с некоторыми изменениями, повторение слов Горбачевского в «Записках» («Но, вероятно, это было не что иное, как хитрость» — «позже решили, что это была вражеская хитрость»). Пускай Сергей Муравьев-Апостол слышал реально бывшее обещание в Любаре (сам факт которого для нас подтверждают показания и других участников), но в «Апостоле Сергее» с потрясающей психологической достоверностью и последовательностью восстанавливается *точка зрения Сергея Муравьева*, который не знает про арест двоюродного брата, случившийся в ночь на 1-е января, и продолжает ждать помощи. 3-го января Сергею Муравьеву уже *не важен сам факт* обещания, важно другое: обещание было дано — и не было исполнено; более того, есть подозрения, что Артамон Муравьев, зная о начавшемся мятеже, привел свой полк на подавление и принял участие во «вражеской разведке». Ergo, Артамон — предатель.

Трудно предположить, что при работе над книгой Эйдельман не видел следственных показаний, где о данном в Любаре обещании содействовать говорят разные лица и по-разному, но никто *не* говорит об отказе; для Сергея Муравьева важно не то, что обещание было дано, а то, что оно не было выполнено. После разгрома под Ковалевкой двоюродный брат для него — не союзник, а предатель; таким он входит и в документально-литературный мир Горбачевского-Вадковского-Эйдельмана. И, чтобы понять, в чем причина расхождения между

фактом историческим и фактом художественным — и почему художественно-документальный источник, в первую очередь «Записки» Горбачевского, вдруг оказался «источником заблуждений» — требуется комментарий к тексту, контексту и человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбачевский, 1963 — *Горбачевский И.И.* Записки. Письма / изд. подг. Б.Е. Сырочковский, Л.А. Сокольский, И.В. Порох. М.: Изд-во АН СССР. 1963. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/1462> (дата обращения: 01.04.2022).

Греч, 2000 — *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2000. 463 с.

Декабрист М.И. Муравьев-Апостол, 1922 — Декабрист М.И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма / предисл. и примеч. С.Я. Штрайха. Петроград: Былое, 1922. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/mu_ap_chern.html (дата обращения: 01.04.2022).

Дело А.З. Муравьева, 1954 — Дело А.З. Муравьева // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1954. Т. XI / под ред. проф. М.В. Нечкиной. С. 91–132.

Дело М.И. Муравьева-Апостола, 1950 — Дело М.И. Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. Документы. М.: Госполитиздат, 1950. С Т. IX / под ред. проф. М.В. Нечкиной. 177–284.

Дело М.П. Бестужева-Рюмина, 1950 — Дело М.П. Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов. Документы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. IX / под ред. проф. М.В. Нечкиной. С. 1–176.

Дело С.И. Муравьева-Апостола, 1927 — Дело С.И. Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. Документы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. IV. С. 228–412.

Иванова — *Иванова Е.В.* Следственные дела как биографический источник // Биография в истории культуры / сост. и отв. ред. Е.В. Иванова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 472–492.

Карамзин, 1851 — *Карамзин Н.М.* Сочинения: в 10 т. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1851. Т. 1. 258 с.

Карамзин, 1988 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 4 т. М.: Книга, 1988. Т. 1. 691 с.

Оксман, 2008 — *Оксман Ю.Г.* Записка Ф.Ф. Вадковского о восстании Черниговского полка // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 гг. М.: Гос. публ. ист. библи. России, 2008. С. 215–228.

Порудоминский, 1990 — *Порудоминский В.И.* История продолжается // Московский комсомолец. 1990. № 89 (18 апреля). С. 15.

Порудоминский, 2014 — *Порудоминский В.И.* Уроки Эйдельмана. К 25-летию со дня смерти Натана Эйдельмана // Зарубежные задворки. 2014. №12 (декабрь). URL: <http://za-za-verlag.net/bumzur/za-za-12.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

Пушкин, 1926 — *Пушкин А.С.* Письма: в 3 т. / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1926. Т. 1: Письма, 1815–1825. 539 с.

**В.С. СЕРГЕЕВА. ИСТОЧНИК КАК ИСТОЧНИК ЗАБЛУЖДЕНИЯ:
«ЗАПИСКИ» И.И. ГОРБАЧЕВСКОГО, КОММЕНТАРИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Северный архив, 1823 — Критика. Рассмотрение «Истории Государства Российского», соч. Г. Карамзина. 2-я статья // Северный архив. 1823. № 22. С. 287–297.

Цявловская, 1974 — *Цявловская Т.Г.* «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1974. Кн. 10. С. 12–84.

Эйдельман, 1979 — *Эйдельман Н.Я.* «Я не могу забыть» (Декабрист Горбачевский о Пушкине) // *Эйдельман Н.Я.* Пушкин и декабристы. М.: Худож. лит., 1979. С. 143–168.

Эйдельман, 1987 — *Эйдельман Н.Я.* Обреченный отряд. М.: Сов. писатель, 1987. URL: http://www.belousenko.com/books/litera/Eydelman_Otriad.htm (дата обращения: 01.04.2022).

Эйдельман, 1980 — *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравье-Апостоле / 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. URL: http://az.lib.ru/m/murawxewapostol_s_i/text_0050.shtml (дата обращения: 01.04.2022).